

ЭХО РОДНЫХ ГОЛОСОВ

— Я очень тронута, что вы вспомнили о моем русском предке, — Анн Вяземски (а по-русски Анна Ивановна Вяземская) поначалу чуть напряжена, в черных-пречерных глазах читается любопытство. Ей за сорок, и она прекрасно выглядит. — Многие здесь вообще не верят в историю нашей фамилии, в древний русский княжеский род...

— Скажите, пожалуйста, кем вы приходитесь поэту князю Петру Андреевичу Вяземскому?

— Точно не могу сказать, генеалогию я не знаю. Но абсолютно достоверно, что мы с братом (он известный парижский политический карикатурист) происходим от него по прямой ветви. Сейчас из остальной русской родни никого не осталось — все умерли, спросить не у кого. Честно говоря, я титулом никогда в жизни не пользовалась и вообще не очень-то интересовалась этой стороной дела.

Как бы в подтверждение своих слов собеседница протягивает мне ксерокопию страницы французской «Книги дворянства», где есть кое-какие сведения о князьях Вяземских — упомянута здесь и сама Анна Исаевна.

— Эту ксерокопию мне недавно сделала приятельница, правда, только в одном экземпляре.

— Когда ваша семья оказалась в Париже?

— После гражданской войны в России, наверно, в начале 20-х годов — сначала моя бабушка с двумя детьми, а потом и дед перебрались сюда. Я не хочу вас обидеть, но он воевал против красных и выглядел чудом.

— Вы родились в Париже?

— Нет-нет, в Берлине. Отец был крупным международным чиновником, занимался беженцами, перемещенными лицами и все время работал за границей. То в Женеве, то в Латинской Америке... В общем, мы с ним толком и не жили. Когда он умер, мне было 15 лет. Тогда мы осели в Париже.

— Он рассказывал что-нибудь о поэте-предке? О Вяземских?

— К сожалению, нет. Дома никогда о России не говорили. Отец не хотел обсуждать эти темы, отказывался рассказывать что-либо. Многие русские в эмиграции тоскуют по земле предков, это известно, но он не относился к их числу и даже не пожелал, чтобы мы с братом учили русский язык.

— Так вы не читали стихов Вяземского?

— Некоторые прочитала в поэтическом сборнике, но в переводе.

— Не осталось ли у вас каких-нибудь документов, вещей, картин, писем Петра Вяземского? Я знаю, что в парижской

Идет 1962 год. Розелиан 13 лет. Ее отец занимает важный пост в Венесуэле — то ли во французском посольстве, то ли в представительстве французской компании, то ли еще где-то — это неважно. Главное — мама забирает ее с младшим братом Дмитрием из лицея за два месяца до конца учебного года и везет на каникулы во Францию. Впереди чудесное, сказочное время — двухнедельное плавание на белоснежном пароходе «Бальбо». Пересечь Атлантику лучше морем — и спокойнее, и отдых замечательный...

Так начинается роман «Мой красивый пароход», только что выпущенный одним из крупнейших парижских издательств «Галлимар». Его автор — Анн Вяземски. Это ее первое крупное литературное сочинение.

«А ТИТУЛОМ НИКОГДА НЕ ПОЛЬЗОВАЛАСЬ...»

Национальной библиотеке есть его архив, письма. Может быть, что-нибудь сохранилось в семье!

— Вновь вынуждена вас огорчить: нет ничего. Впрочем, у меня была фамильная печатка, но я ее давно подарила маме. Дед оказался во Франции с пустыми руками, а даже если что-то у него и было, то до меня не дошло. Вообще все, что касается предков по линии отца, остается довольно туманным, неопределенным. Я расскажу вам забавную историю. Вы знаете, что мой второй дед, по матери, — французский писатель Франсуа Мориак. Когда мама собралась замуж и ему об этом объявила, тот решил, что дочь выходит за проходимца, самозванца, выдающего себя за представителя знаменитой русской фамилии, давшей России крупного поэта. Тогда дед позвонил своему другу, большому знатоку русской литературы и истории писателю Анри Труайя. Труайя провел генеалогические и литературные изыскания и подтвердил Мориаку, что никакого подвоха нет, действительно речь идет о настоящем Вяземском. Знаете, вы по существу третий человек после Мориака и Труайя, кто «связал» меня с моим предком-поэтом.

— В какую, однако, солидную компанию вы меня поставили. Все-таки два классика современной французской литературы... Давайте закончим с князем Петром Вяземским. Если в семье не сохранилось никаких документов, может быть, что-нибудь известно о его жизни в Париже? Что с домом, где он жил? Известны ли какие-нибудь истории, анекдоты, предания?

— Ни-че-го, к моему величайшему сожалению. Меня очень интересует этот человек, но о его парижской жизни

— Скажите, пожалуйста, Анн Вяземски случайно не имеет отношения к русскому поэту Вяземскому? — справляюсь в пресс-службе издательства. — Знаете, это был близкий друг Пушкина... Я хотел бы с ней встретиться, если можно. Литераторы через несколько поколений, да еще в разных странах... Это должно заинтересовать советских читателей.

— Русский поэт, вы говорите! Я поинтересуюсь. Вообще-то она актриса, внучка французского писателя Франсуа Мориака...

Через день перезвонили из «Галлимара» и с некоторым удивлением в голосе сообщили: действительно, автор романа «Мой красивый пароход» имеет отношение к русскому поэту, и она согласна на интервью.

ни я тоже ничего не знаю. Может быть, мне заняться исследованиями и поисками? В самом деле, это, по-моему, заслуживает внимания...

— Тогда давайте поговорим о вашем знаменитом предке с французской стороны, о Франсуа Мориаке.

— Он очень сильно на меня повлиял. После смерти отца я жила у деда, вплоть до того, как стала самостоятельной и начала собственную жизнь. Мне с ним всегда было очень хорошо, и он меня выделял, наверно, потому, что в семье я была единственной с литературными наклонностями.

— Мориак повлиял на вас как на писателя?

— Когда пишу, то не думаю о том, чтобы походить на него. Зато в театре, не знаю почему, постоянно вспоминаю о нем.

— В чем же это влияние сказывается? Он формировал ваш литературный вкус, занимался с вами, много рассказывал?

— Самое главное — привил вкус к чтению, потому что сам

постоянно жил среди книг и постоянно читал. Кстати говоря, он очень высоко ценил русскую литературу, особенно Достоевского, которого считал величайшим писателем.

— Каким вы помните Мориака?

— Веселым, ироничным, колким, язвительным. Я всегда считала его очень смешным, когда, конечно, он смеялся не надо мной.

— Почему вы так поздно начали писать?

— Если честно, то писать я начала еще в детстве. Мне было лет 13—14, когда сочинила свой первый роман. В общем, писать мне всегда хотелось, но я ждала, пока буду испытывать в этом настоящую потребность. Сочиняя, я думаю о том, что не растрачиваю зря жизнь.

— «Мой красивый пароход» — ваш первый роман. Он дался легко?

— Это действительно первый роман, но до этого я опубликовала сборник рассказов. Пишу, должна вам сказать, очень медленно, делаю много черновиков, потому что стремлюсь прежде всего к точности. «Мой красивый пароход» я писала полтора года.

— Это автобиографическая книга? Мне показалось...

— Я бы не сказала. Автобиографической, пожалуй, можно назвать декорацию романа. В возрасте моей героини Розелиан я пересекла Атлантику на белом пароходе. Мне кажется, писатель, сочиняя, должен немножко пожить в своей собственной истории. В моем романе есть определенная доля воспоминаний, хотя в основном и события, и персонажи вымышленны. Сначала мне захотелось описать путешествие по морю, но потом я быстро поняла, какой поворот должны принять события в романе.

Ведь те две недели, которые

Розелиан провела на пароходе, свалили с коротким мигом в жизни человека, когда он из ребенка превращается в подростка, готовится к взрослой жизни. Я вовсе не хочу сказать, что взрослый мир гадок, что только в детстве человек счастлив, а потом нет. Но Розелиан оставляет на борту красивого парохода мечты, детство и даже, может быть, счастье. Я надеюсь, что взрослые читатели смогут посмотреть на себя глазами детей, вспомнить свое детство. Во всяком случае когда я сама читаю чужие книги, то жду, что они чему-то меня научат. Я очень люблю Чехова, потому что и в 20 лет, и в 40 он рассказывает мне все новое и новое об окружающем мире, о людях и обо мне самой.

— Вы заговорили о Чехове. Вы знакомы с русской и советской литературой?

— Знакома, но как француженка. Разве вы не знаете наиболее известных и чтимых во Франции ваших авторов? Чехов и Достоевский...

— Писательницей вы стали недавно, зато известны как профессиональная актриса...

— Я продолжаю играть, актерскую карьеру не оставила.

— Влияет ли актриса на писательницу?

— Честно говоря, в Париже не любят многогранников, которые и там успевают, и там... Но основа у обоих профессий одинаковая: человек. Впрочем, актерский опыт помогает писать диалоги. Знаете, когда я стала писательницей, то поняла, что такое независимость. Актриса же должна быть всегда послушной, очень гибкой и смиренной...

— А как вы стали актрисой?

— Честно говоря, случайно. Мне было 17 лет, и режиссер Робер Брессон вдруг пригласил меня сниматься в фильме «Случайно Валтазар». С тех пор я все время работала. Снималась у Пьер-Паоло Пазолини, Марко Феррери, Жан-Люка Годара, который, кстати, был моим мужем...

— Вы учились актерской профессии?

— Нет, было некогда. Работа помешала получить высшее образование. В университете успела прочитать всего лишь год...

— Что вам дала работа с крупнейшими режиссерами?

— Лучшие научили смирению, мению выполнять их замысел. Плохие постановщики — все делать самой, все предусматривать и обо всем заботиться...

После паузы Анн Вяземски добавляет на прощание:

— Знаете, я очень жалею, что отец не интересовался русским прошлым нашей семьи. Очень жаль...

Никита ЕРМАКОВ.
ПАРИЖ — МОСКВА.